

МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В 1812 ГОДУ

И. А. Федосов

Отечественная война 1812 г.— важная веха в истории русского народа. Эта справедливая, освободительная война подняла широкие народные массы на патриотический подвиг.

Чрезвычайно тяжелы были последствия вторжения неприятеля в страну. Сильно пострадал от вторжения врага и Московский университет. Рассадник высшего образования в России, крупнейший центр научной и общественной мысли — Московский университет был варварски сожжен неприятелем. Погибли огромные научные ценности, созданные упорным трудом русского народа, самоотверженными исканиями русских ученых. Питомцы Московского университета и передовая его профессура вместе со всем русским народом поднялись на защиту своего отечества и выполнили свой патриотический долг, отдавая все силы делу разгрома врага. Патриотическая деятельность питомцев университета во время Отечественной войны приумножила славу Московского университета как ведущего учебного и научного заведения всей страны. Благородными усилиями лучших людей России Московский университет вскоре после войны был восстановлен и снова стал центром отечественного просвещения, источником передовых научных и общественных идей вопреки реакционной крепостнической политике самодержавного правительства.

Настоящая статья освещает три вопроса: состояние университета накануне Отечественной войны, патриотический подвиг ученых и питомцев Московского университета и борьбу прогрессивных слоев русского общества за восстановление университета.

Начало XIX в. ознаменовалось в России дальнейшим разложением феодально-крепостнического хозяйства и вызреванием в его недрах новых, капиталистических отношений. Развитие производительных сил, рост промышленности и торговли, постепенное втягивание помещичьего хозяйства в рыночные отношения неизбежно приводили к кризису феодально-крепостнической системы. Все это не могло не найти своего отражения в общественной жизни страны. Уже в начале XIX столетия в общественном движении отчетливо видны два тече-

ния: прогрессивное, отражавшее тенденции буржуазного развития России, и реакционное, консервативное, выступавшее с защитой отживающих феодально-крепостнических отношений.

В обстановке нарастающего кризиса феодального строя, обострения классовой борьбы, проникновения передовых, прогрессивных идей в широкие слои русского общества самодержавное правительство вынуждено было прибегать к политике лавирования с целью сглаживания социальных конфликтов, должно было приспособлять государственный аппарат к новым условиям. И хотя так называемые «либеральные» мероприятия самодержавия начала XIX в. носили поверхностный, верхушечный характер, «блестели наружностью, но ни мало не связывали произвола», по меткому определению современника, тем не менее они являлись показателем глубоких изменений как в экономической, так и в общественной жизни страны.

Обострение социальных противоречий, необходимость упорядочить бюрократическую систему управления предъявляли новые требования в области просвещения. В культурном отношении Россия в начале XIX в. еще значительно отставала. Учебных заведений в стране было ничтожно мало. Они не могли обеспечить образованными людьми ни правительственный аппарат, ни армию, ни растущую русскую промышленность. Правительство вынуждено было принять некоторые, хотя и ограниченные, меры по расширению сети учебных заведений.

В системе просвещения университеты занимали особое место; это относится прежде всего к Московскому университету. В Московском университете за полвека его существования получило образование несколько поколений русских людей. Из его стен вышел ряд замечательных ученых и общественных деятелей. Уже тогда Московский университет играл выдающуюся роль в развитии передовой русской национальной культуры. Все сколько-нибудь значительные явления в области культуры и науки были связаны с Московским университетом.

По уставу 1804 г. Московскому университету предоставлялась некоторая, весьма ограниченная, автономия: выборность рек-

тора, проректора, профессоров, право создавать новые кафедры, утверждать в ученых степенях и званиях.

Устав предоставлял университету право создавать ученые общества как по русской и древней словесности, так и по распространению «наук опытных и точных, основанных на достоверных началах», и печатать научные труды и периодические издания за свой счет.

От профессоров по уставу требовалось не только читать курсы «лучшим и понятнейшим образом», но и «соединять теорию с практикой», а также знакомить студентов с новейшими научными открытиями. Однако самодержавный строй душил всякую свободную мысль, запрещал свободу слова. Правительство рассматривало профессоров как своих чиновников и даже называло их «чиновниками по философии», «чиновниками по словесности», «чиновниками по естественному праву».

Возглавлял университет ректор, ведавший учебными и административно-хозяйственными вопросами. Он избирался общим собранием ординарных профессоров из среды самих профессоров и утверждался в должности императором.

Под председательством ректора функционировали Совет университета и Правление университета. Совет, или общее собрание, университета являлся «высшей инстанцией по делам учебным и судебным». Он состоял из профессоров и адъюнктов всех отделений.

В состав Правления университета входили деканы факультетов под председательством ректора, а также назначавшийся попечителем из ординарных профессоров непреременный заседатель — ближайший помощник ректора по делам Правления и университетского суда. Непреременный заседатель был негласным контролером и осведомителем попечителя; он наблюдал за точным исполнением законов и распоряжений высшего начальства. В уставе говорилось: «Непреременный заседатель... печется, чтоб в отправлении текущих дел соблюдаем был порядок, сохранены были законы и непоколебимы были полезные и опытом утвержденные постановления, в противном случае, учиня ректору благопристойное представление, доносит попечителю».

Устаивание должности непререкового заседателя с функциями контроля и надзора за всей деятельностью университета отражало недоверие самодержавия к университетской автономии и, по существу, про-

тиворечило принципам, провозглашенным в уставе.

Формально устав не предусматривал для поступающих в университет никаких привилегий и ограничений по сословному положению, требуя от них лишь определенного уровня знаний: «Никто не может быть принят в университет студентом, не имея нужных познаний для слушания курсов, в университете преподаваемых».

Однако на практике эти требования не соблюдались. Царское правительство систематически нарушало провозглашенный им принцип бессословности, а в дальнейшем совсем запретило прием в университет детей крепостных и установило ряд ограничений для выходцев из других податных сословий.

Будучи по уставу автономным учреждением, университет фактически целиком был подчинен власти попечителя как исполнителя царской воли, стража и хранителя интересов самодержавия в деле воспитания молодого поколения.

Большинство студентов обучалось в университете на свои средства, или коште (своекоштные); для неимущих назначалось содержание от университета, так называемый казенный кошт. По уставу количество казеннокоштных студентов на всех отделениях не превышало 40 человек.

Обучение в университете продолжалось три года. Однако немногие студенты укладывались в этот срок; большинство же курс наук проходило в четыре года.

Университет имел четыре отделения, или факультета: нравственных и политических наук, физических и математических наук, медицинских наук и словесных наук. При университете существовала академическая гимназия, готовившая воспитанников к поступлению в университет, и благородный пансион.

Во главе каждого отделения стоял декан, ежегодно избирающийся Советом университета из числа заслуженных или ординарных профессоров и утверждавшийся министром.

При университете существовали библиотека, физический кабинет, астрономическая обсерватория, химическая лаборатория, кабинет естественной истории, ботанический сад, анатомический театр, институты клинический, хирургический и повивального искусства.

Университет имел свою типографию. Согласно уставу, при университете создавался цензурный комитет, сосгоявший из

деканов отделений. Ему были подведомственны все типографии Московского учебного округа.

Для руководства деятельностью учебного округа Совет университета создавал ученический комитет из шести ординарных профессоров под председательством ректора. Училищный комитет ведал всеми учебными и административными делами училищ, смещал и назначал учителей.

Большое значение имели пункты устава о научных обществах при университете. Создание в начале XIX в. ряда крупнейших научных обществ упрочило славу Московского университета как центра русской науки.

В 1804 г. при университете были учреждены «Общество истории и древностей российских» и «Общество испытателей природы»; в 1805 г. — «Общество соискателей врачевных и физических наук» (впоследствии переименованное в «Общество медицинских и физических наук»); в 1811 г. открыто «Общество любителей российской словесности».

«Общество истории и древностей российских» сосредоточило свои усилия на публикации русских летописей и древних актов. Член Общества Р. Ф. Тимковский подготовил к печати Лаврентьевскую летопись, археограф К. Ф. Калайдович — сборник актового материала под названием «Русские достопамятности». Общество издавало свои «Записки» и «Труды». Членами Общества были не только университетские профессора, но и не связанные с университетом ученые — археографы Бятыш-Каменский и Малиновский, историк Н. М. Карамзин, известный собиратель древних рукописей Мусин-Пушкин и другие.

Большую и плодотворную работу развернуло «Общество испытателей природы», сыгравшее значительную роль в развитии естествознания в России. Научно-исследовательская деятельность общества была тесно связана с решением насущных практических задач земледелия и промышленности, изучением природных богатств страны. Общество издавало «Журнал общества московских натуралистов», позднее «Мемуары» и «Новые мемуары», а также «Бюллетени», в которых публиковало труды крупных русских ученых (Н. С. Турчанинова, В. Мочульского и др.). Обществом предпринимались научные экспедиции с участием не только его членов, но и студентов университета. Библиотека Общества была открыта для широких кругов читателей.

«Общество соискателей врачевных и физических наук» сыграло значительную роль в развитии медицинской науки в России. Оно ставило своей целью «распространить в России всякого рода полезные знания, касающиеся до физики и врачебной науки», «тщательно возбуждать, питать и подкреплять любовь к сим наукам, как между его сочленами, так и между всеми прочими любителями учености», «обогащать новыми открытиями, опытами и замечаниями физику и врачебную науку»¹. Общество издавало «Медицинский журнал» на русском языке и Акты — на латинском.

«Общество любителей российской словесности», созданное в 1811 г., способствовало развитию русской литературы.

В начале XIX в. значительно улучшилось преподавание в университете. В сравнении с XVIII в. стало больше профессоров, читавших лекции на русском языке. Большую роль в истории университета и медицинской науки сыграл профессор Матвей Яковлевич Мудров — сын бедного вологодского священника. Широко понимая научные задачи кафедры, Мудров стремился развить самостоятельное мышление у студентов, внедряя новые способы исследования больных. Высокую оценку современников получили лекции по литературе профессора Мерзлякова — прекрасного знатока древних языков, переводчика и поэта, лекции по физике профессора Страхова, по математике и астрономии профессора Панкевича — последний впервые в Московском университете ввел преподавание бесконечно малых. Накануне Отечественной войны 1812 г. в Московском университете было 25 русских профессоров и 14 иностранных. Большинство иностранных профессоров, приехавших в Россию «искать счастья и чинов», не оставило заметного следа в русской науке. Лекции читались ими, как правило, на иностранных языках и по устаревшим руководствам.

Крупным событием в общественной и культурной жизни Москвы были публичные лекции, читавшиеся при университете с 1803 года. Объявление об этих лекциях гласило: университет «в пользу любознательной московской публики назначает особые четыре публичные лекции, а именно: преподаваться будут для оной: натуральная история, опытная физика, коммерческая

¹ С. П. Шевырев. История имп. Московского университета. М. 1855, стр. 351—352.

наука на российском и история европейских государств на немецком языке»².

Публичные лекции, особенно русских профессоров, привлекли к себе большое внимание; их посещали представители различных слоев населения.

«Счастливым избранием предметов для сих публичных лекций показывается числом слушателей, которые в назначенные дни собираются в университетской зале, — писал Н. М. Карамзин. — Любитель просвещения с душевным удовлетворением видит там знатных московских дам, благородных молодых людей, духовных, купцов, студентов заиконоспасской Академии и людей всякого звания, которые в глубокой тишине и со вниманием устремляют глаза на профессорскую кафедру»³.

Остро стоял вопрос о преподавании наук в университете на русском языке. Видный русский ученый И. А. Двигубский писал попечителю Муравьеву: «...пока русский язык не будет в должном уважении у самих русских (имеется в виду дворянство и самодержавное правительство. — И. Ф.), до тех пор трудно произвести что-нибудь хорошее. Когда пишут для русских, а учат их наукам не на русском языке, откуда можно почерпнуть знание отечественного языка и привязанность к сему? В целой Европе может быть, одна Россия не гордится своим языком»⁴.

Между тем многие профессора-иностранцы препятствовали введению преподавания на русском языке. Проф. Буле при молчаливой поддержке других немецких профессоров категорически возражал против организации в университете кафедры славянского языка. Попечитель университета доносил министру просвещения: «...г. Буле возопиял громко: «это не в порядке, это не по уставу! Сей статьи и кафедры там нет, а устав высочайше утвержден и сам министр не имеет права сего делать в отмену устава» и проч., причем крайне горячился, кричал и побуждал других быть с ним одного мнения»⁵. Русской науке и просвещению приходилось преодолевать упорное сопротивление реакционных чиновников и консервативных профессоров.

² «Периодические сочинения об успехах народного просвещения». 1803, № 3, стр. 287.

³ «Вестник Европы». Ч. XII. М. 1803, стр. 263.

⁴ «Чтения Московского общества истории и древностей российских». 1861. Кн. 3, разд. 5, стр. 25.

⁵ А. А. Васильчиков. Семейство Раумовских. Т. II, СПб. 1880, стр. 349.

Наряду с крупными учеными, отдававшими все свои знания студентам, в университете подвизались и невежественные преподаватели, которые «сужденья черпали из забытых газет времен Очакова и покоренья Крыма». Бывший студент университета Д. Н. Свербеев писал об одном из таких профессоров: он «был бичом студенческого рода. Он умерщвлял... всякое умственное стремление к исторической любознательности, будучи сам волощенной скукой и бездарностью... Такой даровитый профессор у всех, у кого только мог, отбил надолго охоту изучать всяческую человеческую историю»⁶.

В 1810 г. попечителем Московского учебного округа и университета был назначен реакционер, невежественный, бездарный рутинер П. И. Голенищев-Кутузов, которому даже консервативный историк Н. М. Карамзин казался революционером⁷.

Несмотря на гнет крепостнического режима, научная мысль шла вперед, увеличивалось отремление широких общественных слоев к просвещению. В Московском университете постепенно возрастала численность студентов. К концу XVIII в. в университете было не более 100 студентов, в 1811 г. — уже 215, в 1820 г. — 500 (не считая благородного пансиона и академической гимназии). Изменился социальный состав студенчества: почти половину его составляли разночинцы — выходцы из мещанства, купечества, мелкого чиновничества, бывшие семинаристы и пр. Это была лучшая, передовая молодежь — «слава и краса студенчества», блистающая «духом премудрости и разуму». Как свидетельствует Д. Н. Свербеев, многие из них жили бедно и голодно, но «работали серьезно и приготавлились к полезной себе и обществу жизни»⁸.

Дворяне отдавали своих детей в университет неохотно, предпочитая военную службу, особенно в гвардии, или специальные «благородные» учебные заведения. Лишь лучшие представители дворянства ценили университетское образование. В Московском университете в первом десятилетии XIX в. учились будущие декабристы: Никита и Артамон Муравьевы, Н. И. Тургенев, Каверин, Семенов и многие другие.

⁶ Д. Н. Свербеев «Записки» (1799—1827). Т. 1. М. 1899, стр. 91.

⁷ Голенищев-Кутузов называл Карамзина «якобинцем», а его произведения считал «исполненными вольнодумного яда».

⁸ Д. Н. Свербеев. Указ. соч., стр. 105, 108—109.

Московский университет прививал студентам любовь к науке, к знанию, к искусству, будил политическую мысль. Так, будущий декабрист Н. И. Тургенев уже на студенческой скамье проникся ненавистью к самодержавию, к крепостничеству, мечтал о республиканском устройстве России. На диспутах, при защите диссертаций, в выступлениях студентов получали иногда отзвук политические события того времени.

В первом десятилетии XIX в. при содействии прогрессивных кругов русского общества Московский университет значительно расширил свою библиотеку, которая насчитывала 20 тыс. томов⁹, пополнил и обновил химические и астрономические инструменты, физическую аппаратуру. Он обладал богатым «собранием хирургических инструментов», исключительно ценным «музеем натуральной истории», составленным из богатых коллекций Демидова, Строганова, Урусова, Яблоновской, проф. Фишера и др. В университете имелась великолепная коллекция «антиков, монет и редких эстампов».

Все эти сокровища, культурные ценности русского народа были варварски уничтожены во время нашествия на Москву наполеоновской армии.

Отечественная война 1812 г. вызвала огромный патриотический подъем студентов и передовой части профессуры Московского университета.

Политические события в Европе, предшествовавшие началу вторжения Наполеона в Россию, привлекали внимание студентов и профессоров университета. Свербеев вспоминал, что создание чрезвычайной милиции в 1807 г. вызвало «какое-то необыкновенное волнение». П. Я. Чаадаев, тогда юный студент университета, в знак протеста против молебна по случаю Тильзитского мира убежал из дома, а полицмейстеру, приехавшему к нему отбирать запрещенную брошюру об Аспернском сражении, заявил, что позорно для России запрещать чтение направленной против Наполеона литературы.

Отечественная война застала университет в летнее каникулярное время, когда большинства студентов и профессоров не было в Москве. Тем не менее многие из

них явились в университет и добровольно вступили в ряды армии и сформированного ополчения. Архив Московского университета погиб во время пожара Москвы, поэтому мы не можем восстановить во всех деталях картину небывалого патриотического подъема, охватившего тогда студентов и профессоров университета. О большом вкладе университета в дело разгрома врага можно судить по мемуарным источникам. По свидетельству проф. Мудрова, «большая часть воспитанников университета, то есть те, кои могли препоясать меч... оставя мирные науки и искусства, подняли оружие во спасение отечества»¹⁰. Известный мемуарист Отечественной войны С. Глинка в своих «Записках о 1812 г.» посвятил Московскому университету особую главу под названием «Порыв воспитанников Московского университета». «Юноши, бывшие в стенах университета и проходившие в недрах его поприще Отечественной истории,— писал С. Глинка,— пылали жаром отечественным... Некоторые из юношей-патриотов приходили ко мне с просьбами, чтобы я содействовал рвению их», помог им «жертвовать собою отечеству»¹¹. В эти дни студент университета А. С. Грибоедов, уже готовившийся к экзамену «на чин доктора», записался в гусарский полк.

Чиновник университетского правления М. Н. Третьяков рассказывает, что «многие из питомцев, которые оставались в университете (в летнее время.— И. Ф.), охотно жертвовали собой для спасения отечества в минуту величайшей для него опасности». Он называет имена некоторых сотрудников и студентов университета, ставших в «ряды храброго русского воинства»: «...кандидаты Калайдович, Шелехов, чиновник университетского правления Глушицкий, студенты — Кувичинский, Шубин, Азбукин, Ефанов, Масленников, Соболев...»¹². Многие студенты были зачислены в ряды защитников отечества по месту своего летнего жительства.

Студенты и служащие Московского университета добровольно вступали в армию и ополчение и после эвакуации университета в Нижний Новгород. Так, например, в нижегородское ополчение осенью 1812 г. всту-

¹⁰ М. Я. Мудров. Слово о благочестии и нравственных качествах гиппократова врача. М. 1814, стр. 3.

¹¹ С. Глинка. Записки о 1812 г. Кн. II. СПб. 1836, стр. 72.

¹² Имп. Московский университет в воспоминаниях М. П. Третьякова (1799—1830). «Русская старина», 1892, № 8, стр. 310.

⁹ «Московские ведомости». 1814, № 56, стр. 1385.

пили студенты Петр Масленников, Алексей Лаконте, Петр Подуярославцев, служащие канцелярии Григорий Карасев, Никита Персон, Иван Фоглер; корректора типографии Михаил Воинов, Василий Правиков, Назар Платковский. Для нужд нижегородского ополчения профессора и служащие Московского университета собрали свыше 8 тыс. рублей¹³.

Большой вклад в защиту отечества внесли профессора и студенты медицинского факультета. Многие из них ушли в армию, на поле боя исцелять раненых русских воинов. Декан факультета 13 октября 1813 г. при возобновлении занятий говорил, что профессора и студенты медицинского факультета «покрыли себя славой и доблестями»: «Одни пошли на поле брани, другие поехали сопровождать раненых, на брани Бородинской уязвленных. Профессор публичный, ординарный, доктор Грузинов, оставив кафедру анатомии, вступил в Московское ополчение. Он умер на полях Литовских, но память с доблестями его останется вечною в летописях факультета. Доктор Рейнер, оставив кафедру ветеринарной науки, вступил в казацкие полки. Прозектор анатомии, доктор Рябчиков, доктора: Ризенко младший, Бутгер, Генике; лекари: Пантеев, Замятин, Наумов, Гречищев, Добров, Воронцов, Виноградский, Пейдлер, Крылов, Петрищев, все, кто только успел выдержать законное испытание, исторгшись из места своего воспитания, все оставили университет, рассеялись по полкам и госпиталям»¹⁴. Многочисленные источники свидетельствуют, что «врачебное отделение Московского университета потерпело великие потери в нашествии неприятеля, как в сочленах своих, так и в учащихся, из коих последние все добровольно поступили в армию и с честью выполнили их предназначение»¹⁵.

Профессор Лодер возглавил «начальство над военными госпиталями... Ему поручено было устройство госпиталей на 6 тыс. человек офицеров и 31 тыс. нижних чинов. Под его попечительством находились вывезенные из Москвы в Рязанскую губернию раненые»¹⁶.

¹³ С. Храпков. Русская интеллигенция в Отечественной войне 1812 г. «Исторический журнал». 1943, № 2, стр. 74.

¹⁴ М. Я. Мудров. Указ. соч., стр. 3—5.

¹⁵ «Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета». Ч. 1. М. 1855, стр. 270.

¹⁶ А. Н. Попов. Москва в 1812 г. «Русский архив». Кн. II. 1875, стр. 278.

Особое признание современников заслужил замечательный врач, талантливый профессор анатомии Илья Егорович Грузинов (1781—1813 гг.). Сын бедного сельского священника, Грузинов с трудом пробил себе дорогу к науке. Только накануне Отечественной войны он получил звание ординарного профессора. При первом известии о начале войны 1812 г. Грузинов, как верный сын своего народа, вступил в московское ополчение и направился в действующую армию. В Бородинском сражении «ему открывалось много случаев показать свое искусство в операциях раненым и врачевании больных. Неусыпно трудился он и в лазарете и на поле битвы, часто случалось ему делать операции под свистом ядер на поле битвы, среди мертвых и умирающих»¹⁷.

Русский народ высоко оценил патриотическую деятельность врачей. Главнокомандующий фельдмаршал М. И. Кутузов в своих приказах неоднократно отмечал доблестную службу врачей и давал о ней благодарственные отзывы. В войне 1812 г. «военные врачи, разделяя наравне с военными чинами труды и опасности, явили достойный пример усердия и искусства в исполнении своих обязанностей и стяжали справедливую признательность от соотечественников и уважение от всех образованных союзников»¹⁸.

Много сделал для раненых воинов и проф. Мудров, который, будучи в Нижнем Новгороде, «не оставлял подавать деятельной помощи больным».

Московский университет внес значительный вклад в дело защиты отечества от иноземных захватчиков, а его воспитанники и профессора показали себя верными сынами родины, достойными своего героического народа. Авторитет университета, его роль в общественной жизни еще более возросли — именно поэтому с такой готовностью откликнулись прогрессивные слои русского общества на призыв помочь в восстановлении университета после разорения 1812 года.

Вторжение неприятеля вглубь России, Бородинское сражение, отступление русской армии к Москве поставили Московский университет перед необходимостью эвакуироваться из Москвы с тем, чтобы сохранить научные сокровища, собранные в универси-

¹⁷ «Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета». Ч. 1. М. 1855, стр. 273—275.

¹⁸ Д. М. Российский. Медицинский факультет Московского университета в дни Отечественной войны 1812 г. Журнал «Клиническая медицина». Т. 31. 1953, № 2, стр. 78.

тете. Однако московский генерал-губернатор Растопчин, попечитель учебного округа Голенищев-Кутузов и ректор университета проф. Гейм не приняли должных мер для эвакуации университета и спасения его научных ценностей от наполеоновского вторжения.

С большим опозданием, только 18 августа 1812 г., попечитель Московского учебного округа получил предписание московского главнокомандующего Растопчина об эвакуации университета: «Нужно заблаговременно принять некоторые меры предосторожности... необходимо находящиеся в ведомстве императ. университета — денежную казну, вещи, дела и бумаги укладывать и приготавливать к свозу»¹⁹. Вместо быстрого приготовления к эвакуации попечитель начал ненужную в данных условиях переписку с министром просвещения о том, что и куда эвакуировать. В письме 19 августа Ярославль называется лучшим и удобным местом для университета. Кроме того возможными пунктами эвакуации предполагались Нижний Новгород, Казань, Симбирск.

23 августа Растопчин отдал категорический приказ попечителю об эвакуации университета: «...профессоров вы можете уволить, а казенные вещи и важнейшие бумаги университета извольте отправить во Владимир и Н.-Новгород»²⁰. Однако и после этого попечитель продолжал бомбардировать министра письмами и «отношениями», в которых он «согласовывал» различные вопросы, не имеющие серьезного значения. Об этом свидетельствует ответ министра, полученный попечителем уже после эвакуации: «Вы уведомляете меня, что г. главнокомандующий объявил Вам, дабы немедленно ректора отправили в Н.-Новгород. По моему мнению, ректор должен бы последний следовать в путь. Обязанностью его было бы остаться до тех пор, пока вещи университета, равно как чиновники, также казенные студенты и ученики не отправились в дорогу, и после того университетский дом и оставшиеся в нем вещи надлежащим порядком оставить в надзор полиции по распоряжению, сделанному главнокомандующим»²¹.

Голенищев-Кутузов заботился больше о своей безопасности и о спасении личного имущества, нежели об университете. Об этом

пишет в своих воспоминаниях Третьяков, которому уже тогда поведение попечителя казалось странным и преступным: «...попечитель наш действовал в то время довольно странно и, как бы не доверяя гр. Растопчину, испрашивал во всех случаях разрешения от министра народного просвещения гр. Разумовского, так, что граф вынужден был предписать Кутузову исполнять немедленно все распоряжения градоначальника Москвы, ибо он скорее получает известие о тогдашнем положении военных дел. Наконец, Кутузов, заботясь единственно о своей безопасности, вытребовал из принадлежащей университету денежной казны 2 тыс. рублей и 30 августа, вечером, выехал с семейством в г. Кострому»²², бросив на произвол судьбы университет.

Еще 29 августа попечитель донес министру просвещения о том, что «...драгоценные вещи, университету принадлежащие и нужные, для препровождения их чиновник и нижние чины отправлены сегодня из Москвы в губернский город Владимир на 63 лошадей... начальство над сим обозом... поручено ординарному профессору Гаврилову»²³. По другим, более достоверным источникам первый обоз с университетским имуществом был отправлен не 29, а 30 августа и не на 63 подводах, а на 52. На этих же подводах эвакуировались университетская гимназия, благородный пансион и все подведомственные университету учреждения. На долю университета приходилось всего около 15 подвод.

Профессору Страхову удалось вывезти наиболее ценные физические приборы. Остальное университетское имущество — архив, библиотека, ценнейшие коллекции — было сложено в полуподвальный этаж главного корпуса под сводами. 30 и 31 августа состоялись последние заседания правления университета, а «1 сентября перед рассветом ректор Гейм с профессорами Страховым и Брянцевым, доктором Ромадановским... немногими студентами и гимназистами отправились в Н.-Новгород. Для охранения же зданий университета с невывезенными вещами и медною монетою... оставлены: экзекутор Артемьев, помощник его Яновский и смотритель музея Ришард»²⁴. Из всех профессоров университета только один не по-

²² М. П. Третьяков. Указ. соч., стр. 313—314.

¹⁹ «Московский университет и С.-Петербургский учебный округ в 1812 г.». Под ред. К. Военского. СПб. 1912, стр. 6.

²⁰ Там же, стр. 19.

²¹ Там же, стр. 30.

²³ «Московский университет и С.-Петербургский учебный округ в 1812 г.», стр. 24.

²⁴ М. П. Третьяков. Указ. соч., стр. 317.

желал последовать за ним в эвакуацию и без разрешения остался в Москве — профессор энциклопедии и права Штельцер, приехавший в Россию в надежде найти «тепленькое место». Он не только остался в Москве, но и поступил служить в созданное французскими властями «градское правление».

К сожалению, у нас нет полных сведений о положении университета во время оккупации Москвы французами и о пожаре университета.

Пожар на территории университета вспыхнул 4 сентября; сначала загорелись деревянный склад и конюшня во дворе, затем большой каменный дом, выходящий на Моховую, кладовые при нем, анатомический театр и соседние с ним помещения. Днем 4 сентября французские солдаты ворвались в главное здание университета и бродили по нему в поисках ценных вещей, ломая и растапывая все, что казалось им ненужным. Вечером этого же дня грабеж еще более усилился. Очевидцы рассказывали, что французские солдаты бесчинствовали в Музее натуральной истории, который был оставлен смотрителем Ришардом без охраны. Около двух часов ночи 5 сентября вспыхнула деревянная обсерватория на главном здании университета. Французские мародеры вскрыли все двери в главное здание, проникли в кладовые и погреба, разграбили все ценности²⁵. Главное здание сгорело в ночь с 4 на 5 сентября. Из всех университетских строений сохранились только больница и дом, в котором жили Штельцер и ректор Гейм.

Адъюнкт университета и директор губернской гимназии П. М. Дружинин, посланный для осмотра университета после изгнания из Москвы французов, донесил, что главный корпус весь до основания сгорел, остались одни только стены. «Даже нижний этаж, или лучше полуэтаж, который был со сводами, весь до основания выгорел, почему все вещи и дела, для безопасности в него внесенные, поторели без остатка, и как из библиотеки, так и из музея не спасено ни малейшей части»²⁶. В другом своем донесении Дружинин писал: «...от университетских зданий кроме большого флигеля и дома (ректора — И. Ф.)... ничего не осталось. Главный корпус, дом, где помещалась ана-

томия, и все прочие строения сгорели так, что видны одни только стены. В главном корпусе самый низ весь выгорел, и если кладовая Харитона Андреевича (Чеботарева. — И. Ф.) осталась цела от пожара, зато она вся разгромлена... Университетский пансион сгорел до основания, из типографских зданий сгорел один старый корпус, прочие в целости»²⁷. Вместе с сокровищами университета погибли ценные коллекции проф. Фишера по натуральной истории, библиотека проф. Брянцева, коллекция русских древностей проф. Баузе. «Баузева библиотека и музей пропали в 1812 г. вместе со многими драгоценными памятниками нашей истории»²⁸, — писал И. М. Снегирев. В числе исчезнувших ценностей этой коллекции Снегирев называет Псалтырь и Пролог XII в., Лечебник 1582 г., первые на русском языке логарифмы, коллекцию русских монет и медалей, которая, «по мнению знатоков, единственная в мире».

Гибель Московского университета произвела страшное впечатление на современников. «Когда я подумаю об университете, — писал один из них, — то голова у меня кружится; и не могу себе вообразить, когда он опять восстановится и где, в Головинском ли дворе, или опять на прежнем месте? Что будут делать профессора наши без книг? Одним словом, судьба университета очень жалка и, бог знает, что из него выйдет»²⁹.

Московский университет со всеми подведомственными ему учреждениями был вывезен в Нижний Новгород и размещен в ученических классах и квартирах учителей нижегородской гимназии³⁰. Условий для возобновления занятий не было, поэтому предполагалось перевести университет в Казань. Но ввиду отсутствия там помещения 4 октября было получено предписание министра просвещения следовать в Симбирск. Однако университет так и остался в Нижнем Новгороде.

После отступления врага из Москвы прогрессивные слои русского общества, студентов, профессоров надеялись увидеть свой старейший университет снова возрожденным в Москве. Однако в правительственных кругах сомневались в необходимости восстанов-

²⁵ А. А. Васильчиков. Указ. соч., стр. 444—445.

²⁶ См. В. Эйнгорн. Московский университет, губернская гимназия и другие учебные заведения Москвы в 1812 г. «Чтения Московского общества истории и древностей российских». 1912. Кн. 4, стр. 45.

²⁷ См. там же, стр. 43—44.

²⁸ «Русский архив». 1905. Кн. 5, стр. 53.

²⁹ «Русский архив». 1904. Кн. 1, стр. 47.

³⁰ См. Н. Ликин. Московский университет в Н. Новгороде в 1812 г. «Журнал министерства народного просвещения». 1915. № 6. Ч. 57, стр. 209—210.

ления университета в Москве. Растопчин советовал царю, «чтобы университету в Москве не быть, ибо-де университет и его начальство наполнены духом якобинства и иллюминатства, то в столице вредно быть может существование университета»³¹. Однако передовые слои русского общества и прежде всего студенчество и профессура настоятельно требовали восстановления университета в Москве. Уже в декабре — январе в Московский университет начали поступать прошения о зачислении в студенты, о «производстве» экзаменов. Одним из первых просил о производстве экзамена будущий деятель русского революционного движения декабрист Никита Муравьев. Попечитель Московского учебного округа писал министру 9 декабря 1812 г.: «Нет нималого сомнения, что самое полезнейшее и для университета и для общества было бы существование его заведений в Москве, в каком мнении и утверждаю ежедневно приезжающими ко мне дворянами и прочего звания людьми, вопрошающими меня, скоро ли университет откроется? Где он будет? И есть ли надежда, чтобы он был в Москве?»³². Под давлением общественного мнения министр народного просвещения дал согласие на возвращение университета в Москву, но правительство не определило срока приезда и не отпустило средств для перевозки имущества университета.

Только в конце апреля 1813 г. министр просвещения разрешил возвратиться в Москву преподавателям и воспитанникам университета³³. После этого началась подготовка к новому учебному году.

Еще до возвращения университета в Москву был возобновлен выпуск газеты «Московские ведомости», издаваемой Московским университетом. 23 ноября 1812 г., после почти трехмесячного перерыва, вышел номер газеты. «Императорский московский университет, — писалось в объявлении, — предпринимая вновь издавать листы сини, с удовольствием извещает о том гг. подписавшихся. Они будут раздаваться в те же дни и часы. Издатели обязываются рассказывать читателям и о тех событиях, которые произошли в течение трех последних месяцев»³⁴. Издание университетом единствен-

ной в те годы московской газеты в разоренной, сожженной Москве имело большое моральное и политическое значение.

В декабре 1812 г. была создана временная комиссия для управления делами Московского учебного округа в составе ректора Гейма и профессоров Двигубского, Снегирева, Мерзлякова, Каченовского и Рихтера. Позднее в состав комиссии были введены профессор Мудров, Сандунов и Чеботарев. За полгода своей деятельности временная комиссия проделала большую работу по возобновлению учебного процесса. Новый учебный 1813/14 год начался в университете в срок — 17 августа.

16 августа Совет университета записал в своем протоколе: «Приступая к открытию лекций в университете, Совет за нужное почел на основании Устава сделать необходимые распоряжения касательно несловий, на кои он разделяется». Совет избрал деканами этико-политического отделения Снегирева, физико-математического — Прокоповича-Антонова, врачебного — Мудрова, словесных наук — Каченовского и членами училищного совета — Снегирева, Цветаева, Мерзлякова, Гаврилова, Сандунова, Тимковского³⁵.

Вопрос о новом помещении для университета больше всего беспокоил временную комиссию и Совет.

Еще в марте 1813 г. началось составление примерных смет и чертежей университетских зданий³⁶. Обследовав состояние сгоревших университетских строений, архитектор Бужинский доложил временной комиссии о необходимых мерах по их восстановлению и составил примерную смету первоочередного ремонта зданий, равную почти 142 тыс. рублей³⁷. Однако правительство не отпускало денег на восстановление университетских зданий. Министр просвещения настаивал на том, чтобы разместить университет в Екатерининских казармах³⁸.

Вопрос о зданиях Московского университета не был решен ни в 1813, ни в 1814 году; занятия пришлось начать в тех немногих помещениях университета, которые случайно уцелели от пожара, и во временно арендованном доме купца Заикина. Крайне

³¹ А. Васильчиков. Указ. соч., стр. 410.

³² «Московский университет и С.-Петербургский учебный округ в 1812 г.», стр. 88.

³³ Там же, стр. 97.

³⁴ «Московские ведомости». № 71—94, 23 ноября 1812 года.

³⁵ «Архив Московского университета», журналы Совета 1813 г., № 43, стр. 166—167.

³⁶ Там же, дела правления, март 1813 г., II стол, № 71, лл. 1—3.

³⁷ Там же, апрель 1813 г., II стол, № 35, лл. 13, 17, 18.

³⁸ Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина. Рукописный отдел, д. 2752, л. 163.

необходимая университету академическая гимназия не была открыта «за неимением средств», в то же время благородный пансион при университете, куда принимались только дворяне, по настоянию министра просвещения функционировал уже с конца 1813 года.

Отечественная война 1812 г. привела к некоторому изменению профессорско-преподавательского состава университета. Некоторые профессора-иностранцы не приняли участия в эвакуации университета и в его восстановлении. В восстановлении Московского университета главную роль сыграли русские профессора-патриоты, считавшие дело университета своим кровным делом. Показательно в этом отношении письмо бывшего профессора университета Цветаева: «Я хотя и уволен... в Казань к институту бессрочно, но я бы не хотел пользоваться сим увольнением к упущению главной и любимой мною должности профессорской; я бы мучился совестью, живя здесь, если бы узнал, что университет открыт уже совсем»³⁹. Большую энергию при восстановлении университета проявил проф. М. Я. Мудров, который «как декан медицинского факультета прилагал особенное усердие при возобновлении прежней анатомической аудитории, для преподавания всех вообще предметов медицины, и 13 октября собственным иждивением торжественно открыл медицинский факультет... При содействии Мудрова при университете был вновь открыт Медицинский институт, возобновлена работа клинического института»⁴⁰. Талант этого выдающегося русского медика развернулся со всей силой в послевоенные годы. «Материалистические воззрения... в сочетании с демократизмом и патриотизмом оказались краеугольными камнями фундамента, на котором им была заложена отечественная медицина, развитая в последующем русскими и советскими врачами»⁴¹.

После войны университет стал быстрее пополняться молодыми преподавателями из числа его питомцев, защитивших магистерские и докторские диссертации. На медицинском факультете самостоятельный курс получил В. П. Ризенко, избранный в 1811 г.

адъюнктом, а в 1814 г. утвержденный ординарным профессором. Начал педагогическую работу В. И. Ромодановский, защитивший в 1812 г. докторскую диссертацию. Практические занятия на медицинском факультете вел молодой адъюнкт А. Г. Сидорацкий; прозектором стал только что окончивший университет И. В. Георгиевский. Из молодых преподавателей необходимо отметить также П. А. Афанасьева, И. И. Давыдова, Т. А. Каменецкого.

Крупный ученый, профессор Е. О. Мухин, работавший в университете с 1813 г., создал научные труды и учебники по медицине. «Замечательный клиницист, выдающийся хирург, крупный анатом, гигиенист, физиолог и судебный медик — в каждой из этих отраслей им оставлен глубокий след»⁴². Деятельность выдающихся профессоров имела большое влияние на развитие русской университетской науки. Благодаря самоотверженным усилиям профессоров-патриотов Московскому университету удалось своевременно начать 1813/14 учебный год и обеспечить чтение всех необходимых курсов.

30 августа 1813 г. «Московские ведомости», как и в предыдущие учебные годы, напечатали «Объявление о лекциях, которые будут преподаваемы в Императорском Московском университете с 1 сентября 1813 г. по 29 июня 1814 г.» с указанием дней и часов занятий.

Университету пришлось провести новый набор студентов. Многие студенты университета выбыли в армию, некоторые остались в имениях своих родителей и не явились к началу занятий. Нужно было предпринять энергичные меры для укомплектования факультетов студентами. Тяга к высшему образованию была настолько велика, что с этой задачей удалось успешно справиться. В 1813 г. в университет было принято 129 студентов⁴³ (кроме вольнослушателей).

По своему социальному составу, как и раньше, большинство студентов и значительная часть своекоштных принадлежали к разночинцам или выходцам из обедневших дворянских семей. Общую характеристику

³⁹ Там же, л. 93.

⁴⁰ «Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета». Ч. II. М. 1885, стр. 124.

⁴¹ Гукасян М. Мудров — основоположник отечественной внутренней медицины. В книге «М. Я. Мудров. Избранные произведения». М. 1940, стр. 111.

⁴² С. В. Шернавкин. Е. О. Мухин, значение его трудов в развитии отечественной судебной медицины. 1950, стр. 5.

⁴³ «Краткая история Московского университета с июля месяца 1812 г. по 8-е число июля 1814 года»; «Московские ведомости». 1814, № 56, стр. 138; см. также С. П. Шевырев. Указ. соч., стр. 459.

студенчества оставил в своих записках Свербеев, учившийся в это время в университете. Свербеев пишет, что студенты делились на две группы: «на гимназистов и особенно семинаристов, уже бривших бороды, и на нас, аристократов, у которых не было еще и пушка на губах. Первые действительно учились, мы баловались и проказничали»⁴⁴. Отечественная война 1812 г. оказала серьезное влияние на студенчество, разбудила его патриотизм, чувство национальной гордости за свою родину и свой народ. Среди студенчества усилились оппозиционные настроения.

В это время в Московском университете учился будущий декабрист Семенов. По воспоминаниям Д. Н. Свербеева, «он замечателен был, кроме познаний, строгой диалектикой и неумолимым анализом всех, по его мнению, предрассудков... Он всей душой предан был энциклопедистам XVIII века». Свербеев отмечает, что в выступлении Семенова на диспуте по диссертации Малова проявились антимонархические настроения. Воззрения Семенова, надо полагать, оказывали влияние на студентов. Свербеев отмечал: «Мои университетские приятели, старшие наши студенты, патриции (то есть лучшие из студентов), успели уже поколебать мои помещичьи убеждения»⁴⁵.

Занятия в университете продолжались во временно арендованных помещениях. Совет университета неоднократно обращался с просьбой к министру просвещения, к правительству об оказании помощи, однако правительство оказывалось глухим к этим просьбам. Более того, попечитель Голенищев-Кутузов присваивал себе даже средства университета. Так, пожертвованные университету купцом Билибиным деньги попечитель присвоил себе (10 тыс. руб.), и университету с трудом, уже после смерти попечителя, удалось взыскать с наследников незаконно присвоенные средства⁴⁶. Университет неоднократно ставил вопрос о необходимости восстановления старых зданий. Этот вопрос стоял на заседаниях Совета в 1814, 1815, 1816 и даже в 1817 годах. В 1815 г. была составлена специальная смета на сумму в 468 699 руб., однако «здания университетские оставались... неотстроенными по причине не отпуска на оное сумм,

хотя несколько лет сряду потребная на то сумма вносима была в сметы расходов»⁴⁷. В 1816 г. на предложение попечителя разместить университет в так называемом запасном дворце, принадлежавшем кремлевской экспедиции, или купить для университета дом генерала Апраксина (на Знаменке) Совет университета ответил: «Донести г. попечителю, что Совет находит приличнее, удобнее и выгоднее просить о возобновлении университетских погоревших зданий»⁴⁸. Однако и после этого вопрос не был окончательно решен. Только в январе 1817 г. царем был утвержден доклад министра о возобновлении зданий университета. Министр доносил, что для размещения университета предлагались различные проекты, однако «университет... находит приличнее, удобнее и выгоднее возобновить прежние университетские здания по следующим причинам: 1) здания университета строены именно для сего заведения, почему и приурочены к различным его надобностям... 2) место, на котором построен университет, находится в центре города, чем доставляется удобность всем вообще жителям столицы; 3) на старом месте университетском уже существуют три дома: два оставшиеся от пожара и один возобновленный...»⁴⁹. Таким образом, только в 1817 г. правительство уступило настояниям университета, и выдающийся архитектор Жиллярди приступил к восстановлению его старых зданий. В этом же году был восстановлен главный типографский корпус (на Страстном бульваре), главный каменный корпус (так называемое старое здание) был вновь отстроен в 1818 году. В 1819 г. возведены аптечный каменный корпус, Мосоловский, или медицинский институт, анатомический театр⁵⁰.

В то время как правительство не торопилось с восстановлением университета, передовые круги русского общества восприняли пожар и разорение Московского университета как свою личную беду и горячо откликнулись на призыв университета о помощи.

⁴⁷ «Периодические сочинения об успехах народного просвещения». 1819, № 44, стр. 11.

⁴⁸ См. Н. Попов. Московский университет после 1812 г. «Русский архив». 1881. Кн. 1, стр. 416.

⁴⁹ «Периодические сочинения об успехах народного просвещения». 1819, № 44, стр. 7—8.

⁵⁰ Н. Попов. Московский университет после 1812 г. «Русский архив». Кн. 1, стр. 420.

⁴⁴ Д. Н. Свербеев. Указ. соч., стр. 86.

⁴⁵ Там же, стр. 105.

⁴⁶ М. П. Третьяков. Указ. соч., стр. 329—330.

Пожертвования в пользу университета приняли широкий размах и явились выражением патриотических чувств русских людей. В них участвовали не только крупные меценаты, но и мелкие чиновники, купцы, ученые и даже крестьяне. Чиновник Чаплыгин завещал университету «лучшие ландкарты и книги»; известные русские мореплаватели Крузенштерн, Лисянский, Сарычев внесли в дар университету книги своего сочинения. В приношениях Московскому университету приняли участие профессор Мудров, Мухин, Черепанов и др., петербургские, харьковские, виленские ученые. Профессор Мерзляков, воспитанник университета Воскресенский, провинциальный чиновник Гурьев, члены Общества испытателей природы Власов, Спасский подарили университету медали, образцы минералов, гербарии, экспонаты для музеев. Крупную помощь оказал Н. П. Демидов, подаривший «богатое собрание естественных редкостей» и книги⁵¹. Помощь Московскому университету оказали Академия наук, Медико-хирургическая академия, универси-

теты Дерптский, Харьковский, Казанский, Публичная библиотека, Вольное экономическое общество и др.

В результате поддержки «любителей просвещения» Московский университет смог вскоре поставить преподавание на прочной научной основе. В его музее уже к концу 1814 г. насчитывалось «более шести тысяч редкостей», физический кабинет имел 141 инструмент, минц-кабинет состоял из 4 336 разных золотых, серебряных, медных монет и других вещей⁵². Библиотека получила в дар 6 642 книги. В активном участии различных слоев русского общества в восстановлении Московского университета наглядно проявилась сила его влияния, авторитет его как центра научной мысли России. Эта широкая поддержка общественности в значительной степени содействовала тому, что Московский университет и в годы страшной правительственной реакции, последовавшей после Отечественной войны 1812 г., сохранил значение передового центра русской науки и просвещения.

⁵¹ «Московские ведомости», 1814. № 56.

⁵² Там же.